

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

УДК 81.2

КОННОТАЦИЯ «ДУХОВНОСТЬ» СОСТАВНОГО НАИМЕНОВАНИЯ «НОВЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ДИСКУРСЕ И. А. ИЛЬИНА

Стародубец Светлана Николаевна

профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика И. Г. Петровского»;
доктор филологических наук, профессор
(г. Брянск, Россия)

Семиотический анализ языковых единиц, выполненный нами в работе «Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И. А. Ильина», позволил нам разграничить: с одной стороны, узуальные единицы, имеющие семантическую отмеченность – компонент «духовность», т.е. «особого рода оценочность, чувствительность к полюсам «Божественного/противобожественного», «доброто» и «злото», закреплённую в ядерной (*дух, духовность, молитва*) или периферийной части лексического значения (*духовная любовь, духовная вера, духовная свобода*); с другой стороны, контекстуальные единицы, маркированные компонентом «духовность» в дискурсе личности, закреплённым в коннотативной части лексического значения (*государство, культура, народ, право, правосознание*) [8].

В группе контекстуальных единиц, по нашему мнению, необходимо различать: языковые единицы, эксплицитно репрезентирующие компонент «духовность», имеющие в семантической структуре знака семантическое содержание, называемое микроконтекстуальной коннотацией «духовности», и языковые единицы, имплицитно репрезентирующие компонент «духовность», имеющие в семантической структуре знака семантическое содержание, называемое макроконтекстуальной коннотацией «духовности» (Ср.: «коннотация контекста» в понимании В. И. Говердовского [1, с. 9]).

Основой разграничения духовной оценочности и духовной коннотации, на наш взгляд, должна быть приемлемая большинством лингвистов концепция имяславия, наиболее ярко выраженная в работах о. Павла Флоренского и А. Ф. Лосева: «Слово есть самая реальность, словом высказываемая, – не то чтобы дублет ее, рядом с ней поставленная копия, а именно она, самая реальность в своей подлинности, в своем нумерическом самотождестве. <...> в высочайшей степени слово подлжит основной формуле символа: оно больше

себя самого». («Имя неотделимо от Него Самого, и потому в Имени и Именем мы соприкасаемся с Самим Господом и усвояем себе от Него Самого даруемое Им спасение» [9, с. 285, с. 328].) Духовная оценочность есть результат бытийного тождества двух реальностей (Духа и духа) в знаке. Кроме того, духовная оценочность есть сублимация метафизического объекта вследствие духовного опыта индивида или социума. Духовное в ядре представляет собой, как мы полагаем, сигнификативно-денотативный аналог сверхъестественного в естественном, «дуновением», целеустремленным к Абсолюту («Имя есть именуемое»). Идея духа → Духа становится внутренним содержанием знака.

Соответственно, духовная оценочность и духовная коннотация есть сущность бытия знака и в то же время его энергия: приоритеты сущности и энергии определены местом материализации (ядро и периферия), т.е. в оценочности доминирует сущностная составляющая, в коннотации – энергия.

В аспекте осмысления макроконтекстуального оценочного со-значения, коннотации «духовности» в дискурсе И. А. Ильина рассмотрим составное наименование, образованное посредством вторичной номинации, *новый русский человек*, «смысловое поле» (термин А. А. Залевской [3]) которого репрезентировано философом в работе «Наши задачи» (раздел «О главном», 16 июня 1949 г.): «России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из нового духа, ради новых великих целей*... В этом главное. <...> Будет новая Россия. <...> И вот к ней мы должны готовиться; и ее мы должны готовить, – ковать в себе самих, во всех нас *новый русский дух*, по-прежнему *русский*, но не *прежний русский* (т.е. больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом главное.

<...> Для этого необходимо, во-первых, справиться с соблазнами. Их целый ряд. И первый из них – соблазн *большевицкой «свободы», «свободы» от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины*. Это соблазн не русского происхождения. <...> Второй соблазн есть соблазн *тоталитарного государства и <...> коммунистической каторги*.

<...> Второе задание наше – *очистить душу от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого*.

<...> И вот наше третье, *положительное задание* – обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически *древних*, но по содержанию и по творческому заряду *обновленных* основах. Мы должны научиться верить по-новому, *созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески*... <...> Мы должны научиться *не разделять веру и знание*... <...> Мы должны научиться *новой нравственности*, религиозно-крепкой, христиански совестной...

<...> Мы должны воспитать в себе *новое правосознание*, – религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и роди-

не; новое *чувство собственности* – заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством; <...> *новый хозяйственный акт*...

<...> России нужен *новый русский человек*, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом» [курсив автора. – С. С.] [2, с. 182–186].

Атрибутивное составное наименование *новый русский человек* мы рассматриваем как номинативную единицу (как и ряд других в дискурсе И. А. Ильина), образованную посредством сложной, двухступенчатой вторичной номинации, считая, что «возникшее словосочетание является своего рода «промежуточным звеном» между старым, свободным значением и новым, связанным. Каждый компонент такого словосочетания наполняется оттенком значения другого; семантически проникая в значение друг друга, они тем самым меняют значимость, присущую им в свободном употреблении» [6, с. 32–35].

Такое идеологически-оценочное составное наименование в дискурсе становится средоточием всех потенциальных функций, которые реализуются в микро- и макроконтексте. Актуализация семантических компонентов смыслового поля идеологизированного сочетания детерминирована метафизической символической программой дискурса И. А. Ильина, энергожизнью текста, определяемой синергией внешней и внутренней формы текста, – символической программой, в которой мифема «*Дух/дух*» является энергетическим «сердцем», механизмом, обеспечивающим ее «работу» [7].

Микроконтекстуальный план содержания составного понятия *новый русский человек* складывается посредством смысловых полей вторично номинированных соединений: *новое правосознание, новая нравственность, новое чувство собственности*.

Ключевым родовым объединяющим понятием, в смысловом поле которого суммарно имплицировано лексическое значение всех названных сочетаний, является составное наименование *новый русский дух*. Последнее непосредственно эксплицирует уже макроконтекстуальную (глубинную) соотнесенность плана содержания всех компонентов с мифемой «*Дух/дух*».

Кроме того, макроконтекстуальный план содержания составного понятия *новый русский человек* обусловлен также декодированием скрытых ключевых семантических маркеров дискурса, «функторов-смыслопульсаров национально окрашенных идей, обеспечивающих иррадиацию «множества смыслообразов в разные планы» [5, с. 26], проекцию смыслового поля одних текстовых элементов в другие. Такими «функторами-смыслопульсарами» являются составные наименования, формирующие концептуальный вектор религиозно-философского дискурса И. А. Ильина, «*созерцающее сердце*» («по-

ящее сердце») и «верующее знание» («знающая вера»), представленные в анализируемом фрагменте опосредованно: «созерцать сердцем», «Мы должны научиться не разделять веру и знание».

Таким образом, описанное преобразование значения слова в составе атрибутивного словосочетания является следствием «семантического заражения» (термин Е. С. Копорской [4, с. 160]), т.е. слово, употребляясь в синтагматически обусловленном индивидуальном контексте, приобретает особое контекстуальное значение, экспликация которого возможна только в составном наименовании.

Составное наименование (двух- либо трехкомпонентное) в процессе употребления реализует свое смысловое поле и, будучи результатом «комбинаторного приращения смысла», функционирует в дискурсе.

Номинация *новый русский человек* является, с одной стороны, идеологически-оценочной, так как эксплицирует в дискурсе смысловое поле, детерминированное религиозно-философской картиной мира автора, с другой стороны, имплицитующей коннотацию «духовности» за счет глубинной (макроконтекстуальной) соотнесенности с мифемой «Дух/дух», и наконец, что очевидно, посредством атрибута *русский* реализующей этнокультурную коннотацию.

Литература

1. Goverdovsky, V. I. Опыт функционально-типологического описания коннотации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. И. Goverdovsky. – М., 1977. – 20 с.
2. Ильин, И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в двух томах / И. А. Ильин, составление и комментарии Ю. Т. Лисицы. – М. : Айрис-пресс, 2008.
3. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека : психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж, 1990.
4. Копорская, Е. С. Семантические преобразования слова, контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые / Е. С. Копорская // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградские чтения. VI. – М., 1982. – С. 154–166.
5. Мышкина, Н. Л. Лингводинамика текста : контрадиктно-синергетический подход : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Н. Л. Мышкина. – Уфа, 1999. – 43 с.
6. Снитко, Е. С. Семантическая основа устойчивости составных наименований в современном русском и украинском языках / Е. С. Снитко // Русское языкознание. – Вып. 9. – Киев, 1984. – С. 31–37.
7. Стародубец, С. Н. Изоморфизм структуры символа и текста в дискурсе И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 81–88.
8. Стародубец, С. Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И. А. Ильина : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / С. Н. Стародубец. – М., 2009. – 39 с.
9. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли // П. А. Флоренский // Христианство и культура. – М.: Харьков : АСТ: ФОЛИО, 2001. – С. 15–343.